PROJECT MUSE®

Сделай сам. Несколько замечаний
о комфорте и изобретательности
советского человека в 1960-е годы

Ольга СМОЛЯК

Ab Imperio, 4/2011, pp. 236-260 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0022>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467008>

Ольга СМОЛЯК

СДЕЛАЙ САМ.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О КОМФОРТЕ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В 1960-Е ГОДЫ*

Ответ на вопрос о том, существовал ли комфорт в жизни советского человека, зависит от того, на какой интеллектуальной позиции находится говорящий и от того, какая дистанция – социальная, временная – отделяет его от советской культуры. Некоторые люди резко отрицают наличие комфорта в том обществе, где выпускались “товары народного потребления” низкого качества, где необходимо было отстоять длинную очередь за этим “совковым ширпотребом” или применить чудеса изворотливости, чтобы достать “по благу” необходимое для обеспечения жизни. В то же время в современном российском интеллектуальном пространстве можно услышать ностальгирующие описания фантастической дешёвизны и замечательного отдыха в прошлой комфортной

* Благодарю анонимных рецензентов *Ab Imperio* за внимательное отношение к моей статье. Я получила ряд ценных замечаний и рекомендаций по переработке первоначального текста, которые будут мне полезны и в дальнейших исследованиях. Я также хотела бы выразить признательность фонду Gerda Henkel Stiftung за поддержку моего научного проекта, посвященного изучению практик самостоятельного изготовления вещей в Советском Союзе, часть которого здесь представлена.

жизни. В таких нарративах мы видим пример использования понятия “комфорт” в значении “совокупность бытовых удобств, уют” и “состояние удовлетворения, внутреннего покоя из-за благоприятно сложившихся обстоятельств”.¹ Определение в толковом словаре интересно тем, что в нем пересекаются экспертное видение и бытовое значение слова. Понятие комфорта выступает здесь словно в “нулевой степени”: в нем вполне читаемы данные, чтобы назвать структурные элементы понятия, и открыта перспектива поиска и определения значений этих элементов в конкретном культурном контексте.

В этой статье я постараюсь ответить на вопрос, существовал ли комфорт в советской культуре 1960-х, и если да, то имел ли он специфические черты? Отвечая на данный вопрос, я представлю комфорт как маркер индивидуальной оценки социального пространства, который изменяется в зависимости от субъективных ощущений человека. Я попытаюсь доказать, что, определяя свое положение как комфортное или некомфортное, советский человек соотносил приложенные усилия и полученный результат; что ощущение комфорта связано не с минимализацией усилий в приобретении удобств, а с восприятием социального пространства как относительно стабильного.

Поставленная задача побуждает обратить внимание на ракурс исследований советского прошлого. В ряде работ комфорт рассматривается как прикладное выражение эстетических категорий, как следствие заботы о домашнем пространстве. Авторы деконструируют дискурс о повседневности, выстраивая бинарные структуры “уют – быт”, “культура – быт”.

¹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. С. А. Кузнецов. 1-е изд. Санкт-Петербург, 1998. Определение комфорта, приводимое в этом словаре, совпадает с определением из словаря Д. Н. Ушакова. Ср.: “Комфорт, комфорта, мн. нет, муж. (англ. comfort). Совокупность бытовых удобств. Квартира с комфортом. Он любит покой и комфорт. Предоставить больному необходимый комфорт”. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. Москва, 1935. Любопытны для сравнения словари советского и постсоветского издания. Так, значение слова “комфорт” как “совокупность бытовых удобств: благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и прочих” встречается в Большой Советской энциклопедии (БСЭ. Т. 12. Москва, 1973). Оно же в свою очередь, дублируется в Большом энциклопедическом словаре, выпущенном в 2000 году: “Комфорт (англ. comfort) – бытовые удобства; благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и т. п. В переносном смысле: душевный комфорт – состояние внутреннего спокойствия, отсутствие разлада с собой и окружающим миром” (Большой энциклопедический словарь. Москва; Санкт-Петербург, 1997). Стоит обратить внимание на сохранение материалистического подхода при описании понятия “комфорт”.

турность – пошлость”. Основные выводы исследователей состоят в следующем: в советской культуре длительное время сохраняется традиционное распределение гендерных ролей; несмотря на изменения под влиянием модернизационных процессов жизни, забота о домашнем пространстве является сферой женской компетенции.² Принципы организации советского домохозяйства исследуются в рамках проблемы потребительского поведения в условиях плановой экономики. Внимание к сопутствующим ей явлениям (блат, дефицит, фарцовка, сети) позволяет рассмотреть аспекты жизни советского человека в контексте социально-экономических проблем страны в целом.³ Это соотношение макро- и микроуровневого описания демонстрирует “гуманитарный поворот” современных методологий. Исследователи не ограничиваются пространством дома. Потребительскому идеалу советского человека “квартира⁴ – машина⁵ – дача⁶” посвящено несколько исторических и антропологических работ. В противовес представлениям о советской повседневности как о жизни, наполненной лишениями и/или страхом,⁷

² Susan E. Reid, David Crowley. *Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*. London, 2000.

³ Stephen Lovell, Alena Ledeneva, Andrei Rogachevskii. *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from Middle Ages to the 1990s*. London, 2001; Alena Ledeneva. *Russian's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, 1998; Е. Осокина. За фасадом “сталинского изобилия”: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. Москва, 2008; А. Ю. Давыдов. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. Санкт-Петербург, 2002; О. Гурова. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. Москва, 2008; Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: Сб. статей. Новосибирск, 2005; В. Николаев Советская очередь: Прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 55-61; Е. Осокина. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 48-54; А. Романов, Е. Ярская-Смирнова. Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62-68.

⁴ И. В. Утехин. Очерки коммунального быта. Москва, 2001; К. Герасимова. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ / Дис. ... канд. социологических наук. Санкт-Петербург, 2000; Ph. Pott. *Moskauer Kommunalwohnungen 1917 bis 1997: Materielle Kultur, Erfahrung, Erinnerung*. Zuerich, 2009.

⁵ Lewis H. Siegelbaum. *Cars for Comrades: the Life of the Soviet Automobile*. Ithaca, 2008; Idem. *Car Culture in the USSR, 1960s – 1980s* // *Technology and Culture*. 2009. Vol. 50. No. 1. Pp. 1-23.

⁶ Lovell S. *Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca and London, 2003.

⁷ Ш. Фицпатрик. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. Москва, 2008; Она же. Сталинические крестьяне. Социальная*

ряд авторов доказывают, что в жизни советского человека было место роскоши и/или удовольствию.⁸ Окрашенный позитивными эмоциями, полученными от туристических поездок и путешествий, жизненный опыт *homo sovieticus* также стал объектом анализа.⁹ Тема туризма пересекается с исследованиями особенностей советской социальной политики.¹⁰

Все названные направления, изучающие советское прошлое, имеют общее предметное поле – повседневность. Сложность ее изучения – неочевидный, “само собой разумеющийся” характер – стимулирует хаотичность исследовательских ракурсов. Но даже там, где комфорт не выступает аргументом в системе доказательств особенностей потребительского поведения или социальной политики, а является объектом самостоятельного исследования, он сохраняет свою “прописку” в пространстве дома. По мнению Сьюзан Рейд, особенности советской повседневности не дают нам оснований делать вывод о несовместимости домашнего комфорта и социализма.¹¹ В продолжение этой мысли я сформулирую несколько замечаний, цель которых “вывести” комфорт за пределы “домашности”.

история Советской России в 1930-е годы: деревня. Москва, 2008; Н. Н. Козлова. Советские люди. Сцены из истории. Москва, 2005; К. Ю. Зубкова. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. Москва, 1999; Н. Б. Лебина. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920–1930 годов. Санкт-Петербург, 1999; Она же. Антимир: принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. Москва, 2008. С. 255–265.

⁸ David Crowley, Susan Reid (Eds.). *Pleasures in Socialism: Leisure and Luxury in the Eastern Bloc*. Evanston, 2010.

⁹ Anne Gorsuch. *All this is your World: Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin*. Oxford, 2011; Gorsuch, Diane Koenker (Eds.). *Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism*. Ithaca, 2006; Э. Горсач. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 359–388; И. Б. Орлов, Е. В. Юрчикова. Массовый туризм в сталинской повседневности. Москва, 2010.

¹⁰ Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под редакцией П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. Москва, 2007; Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. Москва, 2008; М. Г. Меерович. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). Москва, 2008.

¹¹ Reid. *Communist Comfort: Socialist Modernism and the Making of Cosy Homes in the Khrushchev Era* // *Gender&History*. 2009. Vol. 21. No. 3. Pp. 465–498.

Комфорт, пространство и советская повседневность

Обратим еще раз внимание на словарное определение, приведенное в начале статьи. Указание на бытовые удобства и их совокупность заставляет нас задуматься о системе связей вещей – их институциональной принадлежности и коммуникативных возможностях. В предлагаемом определении также отчетливо выделена гедонистическая функция. Но является ли она функцией вещей, которыми пользуется человек? Поскольку человек испытывает состояние покоя из-за благоприятно сложившихся обстоятельств, можно допустить, что чувство удовольствия связано не с фактом обладания вещью (бытовым удобством), а с ситуацией.

Здесь уместна следующая иллюстрация. Примером бытового удобства в доме является телевизор. Можно ли считать телевизор знаком комфорта? Или проживающим в квартире комфортна сама ситуация наличия телевизора? Его отсутствие (или другого “бытового удобства”) может вызвать вопросы гостей и/или соседей, на которые хозяйка будет вынуждена искать ответы: почему не покупаете? Не можете накопить? Муж пьет? Поэтому телевизор будет стоять на видном месте, бережно охраняемый, покрытый салфеткой, вышитой или связанной кем-то из женщин семьи, обозначая своим присутствием социальное благополучие.

Преобразование материальной среды не означает создания комфортных условий – необходимо, чтобы человек оценивал проживаемые моменты как ситуации покоя. Это не означает безоблачного существования. Наличие компенсаторных механизмов сглаживает проблемные ситуации, причем здесь стоит говорить об особенностях коммуникации между социальными группами, о доступности социальных благ, о свободе передвижения, о чувстве признания и уважения, т.е. о тех аспектах, которые влияют на самоощущение и идентичность человека. В условиях территориальной и социальной дезорганизации, травматичной коммуникации между социальными группами наличие бытовых удобств и вообще доступность товаров и услуг не дает человеку ощущения комфорта. Утверждение, что оценка степени комфорта применима не столько к вещам, сколько к ситуациям, дает нам основание представить комфорт как элемент социального пространства. Это понятие может быть предметом отдельного исследования, но решая задачи, поставленные в статье, оно будет рассмотрено аспектно.¹²

¹² См. напр. А. Ф. Филиппов. Социология пространства. Санкт-Петербург, 2008.

По мнению П. Бурдьё социальное пространство – это абстракция, конституированная ансамблем подпространств и полей (экономического, интеллектуального и др.), “которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала”.¹³ Оно не сводится к физическому пространству, но реализуется в нем через распределение благ и услуг, индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (т.е. как тела, имеющие закрепленное место жительства или место обитания) и обладающих возможностями присвоения произведенных благ и услуг. Таким образом, социальное пространство является сложноорганизуемым образованием, состоящим из разнообразных природных и социальных объектов, сетей и путей, которые облегчают передачу материальных вещей и информации. Л. Лефевр подчеркивает, что “оно не сводится ни к объектам, которые его составляют, ни к их сумме”. Эти “объекты” не только вещи, но и отношения.¹⁴

Качеством пространства, о котором стоит здесь сказать, является граница. Г. Зиммель называет “качеством” социальные скрепы, которые обеспечивают человеку чувство солидарности. Это позволяет перевести границу из пространственного факта в социологическое действие: “Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы между собой и элементами этой сферы и другой, она, тем не менее, становится живой энергией, которая смыкает [элементы каждой из сфер] и, подобно физической силе, которая излучает отталкивания в обе стороны, втискивается между обеими [сферами]”.¹⁵ По мнению А. Филиппова, в этом определении границы Зиммель описывает социальное взаимодействие. Речь идет о конструировании “ты” и понимании Другого, который, как известно, в своей цельности недоступен. Эта частичная недоступность Другого означает, что “ограниченность (как и в смысле приватности, огражденности) присуща каждому участнику социального взаимодействия. Она может быть и пространственной, поскольку именно пространственная граница сообщает “чисто душевному (т.е. воспринимаемому как чисто душевный) феномену некоторую дополнительную прочность”.¹⁶ Иными словами, граница необходима в интересубъективном пространстве, что-

¹³ П. Бурдьё. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё. Социология политики. Москва, 1993.

¹⁴ А. Лефевр. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70); см. также: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>.

¹⁵ Цит. по: А. Ф. Филиппов. Социология пространства. Санкт-Петербург, 2008. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 108.

бы задавать правила коммуникации (особенно это касается толерантного ответа на действия Другого) и обеспечивать чувство безопасности.

Проницаемость социального пространства характеризуют визуализация и дисциплинарность. По мнению Лефевра, пространства “изготавливают”, чтобы видеть людей, вещи, сами пространства и то, что они в себе заключают: “Эта доминирующая черта, визуализация (более значимая, чем театрализация, которая, впрочем, сюда тоже включается) маскирует повторы. Люди смотрят и путают жизнь, видение и зрение”.¹⁷ Этот канал информации играет большую роль в процессе конструирования реальности. Образ, “картинка” помогают овеществлять пространство (осваивать место). Продуктами этого овеществления можно считать и усилия хозяйки по созданию уюта (салфетки, коврики, охотничьи трофеи на стене), и поиск постоянного места для рыбалки, и фотографии из путешествия. Предлагая образцы “картинок”, визуализация помогает в поиске модели, в конструировании “своего” пространства.

Дисциплинарность, которую М. Фуко понимает как специфическую технику власти, обеспечивает распределение индивидов в пространстве, контроль над их деятельностью и телом.¹⁸ Однако индивиды стремятся уйти от господства социальной реальности, в том числе в форме “рассеянного” сопротивления, когда освоенные законы и правила адаптируются под собственные потребности. Так, коммуникативное свойство социального пространства реализуется в схеме ответа “слабого” на действия “сильного”. Говоря словами М. де Серто, в ответ на властные стратегии индивиды выстраивают тактики. Адаптивную природу тактик де Серто связывает с тем фактом, что индивиды испытывают недостаток собственных идеологий и институтов.¹⁹ В конечном итоге реализация стратегий и тактик оформляет пространство и делает его местом, освоенным практикой.²⁰ Чтение, разговоры, прогулки, покупки, освоение жилища, приготовление пищи (этот ряд, предложенный М. де Серто, можно легко продолжить) не просто практики, а практики тактического характера, в которых можно обнаружить “антидисциплинарность”.

¹⁷ Лефевр. Социальное пространство.

¹⁸ М. Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва, 1999.

¹⁹ Michel de Certeau. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984. P. XIX. Важным дополнением является суждение автора, что пространство тактики – это пространство Другого (Р. 37).

²⁰ Ibid. P. 117.

Границы и зоны проницаемости социального пространства помогают индивиду ориентироваться, для того чтобы в конечном итоге обрести “чувство своего места” (И. Гофман²¹). По мнению Бурдьё, именно оно “приводит к тому, что в ходе взаимодействия так называемые ‘простые люди’ довольствуются своим положением, а остальные ‘держат дистанцию’, ‘ценят себя’ и ‘не допускают фамильярности’”.²² Бурдьё отмечает: “Габитус позволяет субъекту не только ‘чувствовать свое место’, но и определять места других субъектов. К примеру, характеризуя платье, мебель или книгу, мы говорим: ‘Это мелкобуржуазный стиль’; или ‘Это интеллигентно’”.²³ Нас также интересует та сторона “чувства своего места”, которая выражает способность человека оценивать окружающий мир и результаты своих усилий. Речь идет об эмоциях, которые позволяют человеку ощутить комфорт.

Исследователь эмоций Дж. Барбалет считает, что поскольку людьми движут только конкретные эмоции, а конкретные эмоциональные переживания возникают только в конкретных отношениях, эмоции нужно рассматривать в социальном контексте.²⁴ Он говорит о том, что эмоция является связующим звеном между социальной структурой и социальным актором²⁵ и играет существенную роль в установлении и поддержании рациональности.²⁶ В своей работе автор доказывает важность уверенности для производства действия. Он рассматривает ее именно как эмоцию, обосновывая тем, что человек планирует действие, которое всегда происходит в условиях неопределенности будущего. Так эмоция выполняет функцию вовлечения будущего в настоящее.²⁷ Строго говоря, уверенность – это целая группа эмоций, таких как уверенность в себе, доверие, вера и т.д. Ее социальная природа имеет два источника. Первый происходит из конкретного опыта социальной коммуникации, в котором индивид получает признание других; а второй складывается из суммы ресурсов, к которым индивид имеет доступ вследствие взаимоотношений.²⁸

²¹ И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. Москва, 2007.

²² П. Бурдьё. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 141.

²³ Там же. С. 143.

²⁴ Jack M. Barbalet. *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge, 1999. P. 26.

²⁵ Ibid. P. 27.

²⁶ Ibid. Pp. 45-49.

²⁷ Ibid. Pp. 82-83.

²⁸ Ibid. Pp. 86-88.

Позиция Барбалета аргументированно доказывает связь эмоций с социальным пространством: они выражают состояние и самочувствие человека в нем. Ощущение комфорта связано с уверенностью, чувством достоинства и удовлетворения результатом и может выражаться в телесном спокойствии и непринужденных действиях. Для этого нужно находиться в ситуации безопасности, испытать положительный опыт признания окружающих. Необходимо оберегать границы своего “я”, что, конечно, изменяет порог чувствительности. Непринужденность в действиях возникает, когда практики освоены, сценарии и правила знакомы, реакции социальных агентов (от соседей до властных институтов) предсказуемы. Здесь речь идет не о том, когда многократные повторения позволяют найти оптимальный путь экономии усилий и появляется уверенность в движении, жесте, а о том, как человек оценивает производимые им практики, насколько ему близко чувство спокойствия. Так субъективные ощущения выступают маркерами, обозначающими оценку соотношения приложенных усилий и полученного результата.

Вообще, эмоции можно рассматривать как оптику, позволяющую фиксировать “неуловимую” повседневность наряду с другими подходами: исследование очевидного через фиксацию нарушения нормы.²⁹ Внимание к страхам или удовольствию тоже эвристично.³⁰ Однако эмоциональные “крайности” не всегда являются реакцией на повседневные ситуации. Здесь важно отметить, что ощущение комфорта напрямую связано с повседневной жизнью человека, которая, по выражению Светланы Бойм, “некатастрофична”.³¹ Повседневность – это прочувствованный, осознанный мир, включающий совместный опыт, переживаемый с Другими (“спутниками”, которые разделяют совместные с индивидом пространство и время³²). Он словно бы самоорганизуется и образует привычный для человека порядок, который не прерывается, что позволяет воспринимать этот мир как непроблематичный.³³ Это реальность, которая интерпретируется людьми; ее язык может выходить за ее пределы и описывать переживания в конечных областях значе-

²⁹ См., напр., исследования Лебина. Повседневная жизнь советского города; Она же. Антимир: принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. Москва, 2008. С. 255–265.

³⁰ См., напр., Croyley, Reid (Eds.). *Pleasures in Socialism*.

³¹ С. Бойм. *Общие места. Мифология повседневной жизни*. Москва, 2002.

³² А. Щютц. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Москва, 2003. С. 116.

³³ Т. Бергер, П. Лукман. *Социальное конструирование реальности*. Москва, 1995. С. 14.

ний, соединять оторванные друг от друга сферы.³⁴ Наконец, отметим, что складывающийся у человека запас знания о жизни прагматичен и включает “запас рецептов”, т.е. знание, “сводящееся к практической компетентности в обыденных делах”.³⁵

Завершая теоретические построения, необходимо сделать еще несколько замечаний о советской повседневности. Проницаемость границ социального пространства делает повседневность зависимой от других сфер, поэтому в советском варианте не стоит исключать воздействие идеологии и политики на всем протяжении истории СССР. Повседневность не идентична частной жизни, однако не может формироваться, если нет условий для дифференциации пространства (приватное – публичное) и времени (работа – отдых). Применительно к сталинскому периоду говорить о формировании сферы приватной автономии невозможно, и не только потому, что большинство населения проживало в коммуналках и бараках, а вся жизнь протекала на глазах соседей. Человек был лишен пространства, которое бы укрывало его от властных инициатив, социальной заботы (выполняющей в большей степени функцию контроля). Только в конце 1950-х, после существенного изменения жилищной политики, создаются условия для формирования приватной сферы. Сталинский период характеризуется также стертыми границами социальной и криминогенной сферы. Правила, по которым человек мог оказаться “по ту сторону” социального порядка, были вариативны и непрозрачны. Опасность социального небытия была сопоставимой с опасностью гибели во время войны: память о повседневной угрозе жизни сохранилась в сознании целого поколения. Как отмечает Н. Козлова, объясняя дневник одного из своих героев, “сравнивая ‘прежде’ и ‘теперь’, рассказчики имеют в виду несоизмеримо более высокую степень онтологической безопасности жизни в 1960–1980-х годах по сравнению с традиционным обществом и обществом в состоянии войны”.³⁶

Таким образом, обращаясь к оценке 1960-х, не будем исключать предыдущие десятилетия, поскольку, несмотря на поворот в политике и реформы, речь идет о тех же людях, которые перенесли войну, массовые репрессии и даже лишения в годы революции. Изменение зон проницаемости и границ социального пространства в рассматриваемый период способствовало становлению субъектности, появлению чувства

³⁴ Там же. С. 12, 21.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Н. Н. Козлова. Советские люди. Сцены из истории. Москва, 2005. С. 306.

безопасности и снижению вариативности стратегий. Трансформация социального пространства отразилась в практиках простого человека.

По мнению де Серто, изучение практик невозможно с помощью количественного анализа.³⁷ Необходимость описания действий, выявления и объяснения смыслов, задает определенную исследовательскую технику: поиск и фиксация случаев. Внимание к отдельной находке актуально и в связи с заявленной методологией: ведь мы обращаемся к изучению поведения человека в социальном пространстве. По мнению К. Гинзбурга, познавая меньше, сужая охват исследований, мы надеемся больше понять: “Выбранная наугад жизнь может сделать ‘конкретно видимой’ попытку унифицировать миф и некоторые ее следствия”.³⁸ Что касается повторяемости случаев, репрезентативности, то здесь необходимо отметить еще одну особенность советского общества. Оно не может претендовать на длинную историю, его темпоральность не ограничена двумя датами (1917–1991), а насыщена разломами и разрывами. Согласимся с мнением В. Живова, который отмечает: “...сериализация пригодна лишь для тех периодов, для которых существует массовая документация. Она пригодна прежде всего для периодов стабильности, для затянувшихся долгот”.³⁹ Не только краткость советской истории, но и модернизационный вектор всех преобразований создают определенные трудности для изучения.⁴⁰ Особенно это касается тех явлений культуры, которые имеют внешнее сходство с явлениями других культур. Этот факт отмечает И. Меркель, отвергая сравнимость восточной и западноевропейской культуры потребления, поскольку они возникли и развивались в разных социальных пространствах.⁴¹

³⁷ Certeau. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984. P. XVIII.

³⁸ К. Гинзбург. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории // Новое Литературное Обозрение. 2004. № 65. С. 28-29.

³⁹ В. Живов. Об исторической науке Карлло Гинзбурга // Новое Литературное Обозрение. 2004. № 65. С. 8.

⁴⁰ Здесь следует указать на всеобщий характер модернизационного процесса. Несмотря на значительные особенности, социалистическая модернизация, под знаком которой существовало советское общество, выполняла те же задачи, что и другие общества в процессе перехода от традиционного общества к индустриальному. Подробнее об особенностях российской (советской) модернизации как части всеобщего процесса модернизации см.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Ред. В. В. Алексеев. Москва, 2000; А. С. Ахиезер. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1-2. Новосибирск, 1998; О. Л. Лейбович. Модернизация в России. Пермь, 1996.

⁴¹ I. Merkel. *Utopie und Bedürfnis. Die Geschichte der Konsumkultur in der DDR*. Köln, Weimar, Wien, 1999.

Таким образом, источником данного исследования являются два случая, которые не являются сериальными, но их нельзя назвать исключительными. Оба случая демонстрируют изобретательность советского человека в середине 1960-х, его заинтересованность в вещах и в организации вещного порядка, но в разных пространственных полях: первый – в границах домохозяйства, второй – в границах региональной географии.

Case 1: “Вот моя деревня, вот мой дом родной”

В данном примере речь пойдет о строительстве дома, которое семья, состоящая из двух взрослых, вела самостоятельно в середине 1960-х годов. Этот случай демонстрирует изобретательность человека, вынужденного “достраивать” исходя из своих возможностей коммуникативные структуры социального пространства, несмотря на заявленную стратегию власти оказывать содействие советским гражданам в обретении (как получении, так и строительстве) собственного жилья.⁴²

Моя собеседница – женщина, родившаяся в “год великого перелома” в семье колхозника. Ее воспоминания о детстве и юности емкие: “мытарства, работа, беднота, голод”.⁴³ Бегство из колхоза могло изменить условия жизни, и в качестве доступного варианта представлялось замужество. Местные парни не рассматривались как хорошая партия, да и они были “в дефиците”: “нашу ровню уже девки постарше, как го-

⁴² Необходимо обозначить пунктиром стратегию власти в вопросе индивидуального строительства. Право граждан на покупку и строительство жилых домов регулировалось Указом Президиума Верховного Совета СССР и Постановлением Совета министров СССР от 26 августа 1948 года. Документы разрешали вести строительство как в городе, так и за его пределами; земля давалась в бессрочное пользование из расчета 300–600 м² в городе, 700–1200 м² вне города; дома должны были строиться по типовым и индивидуальным проектам (что означало необходимость обращаться в проектные бюро); владельцам жилых домов вменялось в обязанность обеспечивать уход и содержание как участка, так и придомовой территории (включая озеленение и устройство тротуаров); органам исполнительной власти надлежало организовать государственную инспекцию по надзору за содержанием индивидуальных домовладений. Пункт 1 Указа, разрешающий покупку или строительство дома в один или два этажа с числом комнат не более пяти, был изменен в 1958 году, а с 1 октября 1964, в связи с вступлением в силу Гражданского кодекса СССР, отменен. Согласно Кодексу, предельные размеры индивидуального жилого дома не должны были превышать 60 м², что приближало его к размерам городской квартиры.

⁴³ Интервью 1: Жен., 1929 г.р., н/о. Запись на диктофон 15.09.2010.

ворится, захáмили”.⁴⁴ Первое замужество устроила мать: к невестиним шестнадцати годам прибавили два года. Сватовство, венчание – все в рамках традиции. В ЗАГС не ходили. Представление о лучшей доле где-то за границей колхозного поля рухнуло в первый вечер новой жизни: “Ни места мать не посмотрела, где, как живут. Приехали с церкви, из-под венца, – раньше была это конюшня. Такое маленькое окошечко, тут кровать деревенская. Ни сенок,⁴⁵ ничего, сразу с улицы – и в это помещение. Легли на кровать. Все тут. У него была золовка, у золовки был ребенок, еще деверь был, свекровь была. Они все вповалку на пол”.⁴⁶ Неустроенность быта вынудила вернуться в дом матери. Снова работа в колхозе: “Нищета, работа в лаптях. Лошади голодные, где увидят травинку на коленки встают и хватают”.⁴⁷ А после работы занятия в вечерней школе, чтобы закончить семилетку. Второе замужество состоялось в 1954 г. благодаря случайному знакомству. Венчание – по настоянию родственников; регистрация в ЗАГСе, получение паспорта.

Замужество можно назвать расчетливой тактикой, которая принесла освобождение от колхоза, создала условия для автономной (от родителей) жизни. Бедность, неурожай и грязь уральской деревни запечатлены в памяти респондента: лапти, голодная лошадь, скученное проживание в конюшне – простые, но очень сильные образы. Представление о комфортной жизни тоже простое: комфорт – это ухоженное личное пространство, достаток, признание окружающих.

Молодая семья жила в сельском поселении в 15 км от Перми.⁴⁸ Одиннадцать лет супруги снимали жилье: угол в комнате, в которой они жили вместе с хозяевами дома, а позже – прируб (пристроенное к дому хозяйственное помещение, переоборудованное под жилье). После получения участка в 1965 г. началось строительство деревянного дома. Через два года дом был продан, перевезен в неразобранном виде на соседнюю улицу с помощью трех тракторов. На его месте хозяева заложили и построили кирпичный дом засыпного типа. Нашей героине было около сорока лет, когда ее семья завершила строительство дома и благоустройство участка. Несомненно, новое пространство, созданное

⁴⁴ Здесь и далее сохранен разговорный стиль респондента. Интервью 1: Жен., 1929 г.р., н/о. Запись на диктофон 15.09.2010.

⁴⁵ Имеются в виду сени.

⁴⁶ Интервью 1: Жен., 1929 г.р., н/о. Запись на диктофон 15.09.2010.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Население поселка в 1960–1970-е гг. было занято в совхозе, лесничестве; на железной дороге, моторостроительном заводе им. Свердлова. Глава семьи работал слесарем на этом заводе.

в результате личных усилий, существенно отличалось от колхозного быта, от которого женщина стремилась убежать и в котором, очевидно, она боялась вновь оказаться.

Организация домашнего пространства в эти годы была главной заботой моей собеседницы. Использование участка, как и заселение дома, начиналось до завершения всех работ. Так, освободив лишь половину территории от дикого кустарника, хозяева сразу же разбили огород. И первой постройкой был не дом, а временный дощатый сарай, в котором держали скот. Импровизированный хлев утеплили “муравьиными кочками” (т.е. муравейниками, которые разоряли и использовали как строительный материал), чтобы животные перенесли суровую уральскую зиму. Деревянный дом тоже не был достроен: когда семья отметила новоселье, в нем еще не были прорублены окна.

В интервью, длительностью 1 час 16 минут, описано девятнадцать случаев, когда респондент обращалась к кому-либо за помощью для решения задач, связанных со строительством или обустройством дома. Только один из этих случаев относится к официально оформленному заказу на доставку красного кирпича для строительства дома, который был привезен с кирпичного завода в 90 км от места жительства респондента. Эта операция оценена собеседницей как самая дорогостоящая. Два случая представляют собой акт соседской помощи: от исполнителя требовалось умение (сложить печь и прорезать окно в доме). Остальные пятнадцать случаев, пользуясь терминологией советского времени, можно оценить как “хищение государственной собственности” и “использование служебного положения в личных целях”. Всего за время строительства двух домов она смогла привезти на свой участок сруб и пиломатериал из ближайшего лесничества; паклю, цемент, опил, стекла, рубероид, батареи, щебенку и гравий, гипсоблоки – из строительной группы воинской части, занятой в это время строительством дороги недалеко от населенного пункта; шлак – с железнодорожной станции; оконные рамы и дверные блоки – со строительства здания ракетного училища, которое велось в то время в Перми.

Можно сказать, что респондент достаточно эффективно включалась в неформальные сети. По ее собственному признанию, для этого нужно уметь “вести дружбу”. Под этим она подразумевает артистизм в поведении; умение молчать и сдерживать эмоции; умение идти на уступки и даже совершать лишние, на первый взгляд невыгодные, усилия; умение проявлять терпение и быть наблюдательной, чтобы соответствовать ожиданиям собеседника. Практики участия в неформальном обмене

благами и услугами требовали соблюдения определенных правил. Так, например, со слов собеседницы, деньги на строительство дома она зарабатывала пошивом легкого платья, вязанием, прядением: “Заказов было много. Что, тогда пошьешь штапельное платье – 3 рубля (смеется). Крепдешинном пошьешь, шифоном – 5 рублей. Ну, иногда за день-то я штапельное платье сшивала. Положу на (имеется в виду: положит на колено работу – показывает), с тканью работаю, потрясу (имеется в виду укачивала грудного ребенка – показывает)”.⁴⁹ Причем женщины, с которыми она “водила дружбу”, не платили ей за услуги. Так, за 60 кг пакли, полученной с помощью заведующей складом стройгруппы при воинской части, респондент сшила два штапельных платья. По оценке респондента, заведующая складом сельпо, через которую покупались мебельный гарнитур, электроинструмент и, очевидно, другие товары народного потребления, о которых в интервью не было сказано, регулярно пользовалась услугами по пошиву легкого платья и не оплачивала их.

Другим правилом неформальной коммуникации, которое следует назвать, является готовность жертвовать личным временем, что давало определенные преимущества в установлении взаимоотношений с руководителем на рабочем месте. Работая заведующей складом в воинской части и соглашаясь выполнять поручения начальника, респондент могла пользоваться так необходимым ей автомобильным транспортом.

Строительство домов и организация домохозяйства зависели не только от коммуникативных практик, но и от умения проявлять находчивость и перенимать опыт. Как уже говорилось выше, пути передачи информации тоже являются частью социального пространства. Моя собеседница, оценивая свои достоинства, подчеркнула, что ее отличает умение “подсматривать и рассчитывать”. Так, сложив сруб и подняв крышу, супруги пригласили знакомого прорубить окно. За его работой внимательно наблюдали, и все другие окна прорубали самостоятельно. Печь в их первом доме сложил печник, житель соседней улицы. Перенятый навык респондент не только применила при строительстве второго дома, но и работала в домах соседей: “Я шла, как на праздник, печи ложить. Получилось удачно. Людям давала, те радовались: ходят, шупают тепло”.⁵⁰ Буквально это означает, что дополнительный заработок включал не только пошив одежды, вязание и прядение, но и печное ремесло.

⁴⁹ Интервью 2: Жен., 1929 г.р., н/о. Запись на диктофон 25.06.2011.

⁵⁰ Там же.

Пользуясь небольшой привилегией при распределении делянок для сенокоса от лесничества, она согласилась выложить печь в двухэтажном хозяйственном помещении. Этот опыт связан с переживанием положительных эмоций: гордости за то, что могла построить печь сложной конструкции, и удовольствия от внимания окружающих: “Я была и печник и конструктор... Приехала комиссия... ‘Где ваш мастер? Где конструктор ваш, мастер?’ А лесничий говорит: ‘Да вот, наш мастер, женщина ложит печи сложные’. Ну, давай стали меня метать”.⁵¹ Этот случай, как и другие примеры получения признания окружающих, были для респондента хорошей компенсацией в напряженной и трудной жизни. Позитивный опыт влияет на чувство уверенности человека, если показывает его востребованность в обществе.

По мнению моей собеседницы, освоение участка и строительство дома связаны с преодолением трудностей, но это время она вспоминает как годы эмоционального подъема: “Было интересно, было стремление, была забота, была работа”.⁵² На первый взгляд, большинство приведенных в качестве примеров практик традиционны и привычны. Согласимся с мнением С. Бойм: “Отдавая должное повседневному уловкам и закоулкам, искусствам жить и выживать, не следует преувеличивать революционную роль повседневного браконьерства”.⁵³ Однако, в сравнении с жизнью в колхозе, новую жизнь респондент оценивает как более комфортную, потому что в ней есть динамика, есть результат и есть условия для демонстрации успеха.

Case 2: “Родные просторы”

В этой части статьи речь пойдет о пермской семье, глава которой, конструктор машиностроительного завода,⁵⁴ с 1964 по 1966 г. конструировал автомобиль для путешествий. Данный случай демонстрирует поощряемую социальным пространством изобретательность советского человека в удовлетворении индивидуальных запросов.

⁵¹ Там же. Метать – имеется в виду подкидывать в знак признательности.

⁵² Там же.

⁵³ Бойм. Общие места. С. 38.

⁵⁴ Создатель автомобиля родился в 1923 г., закончил механико-технологический техникум при заводе им. Дзержинского в Молотове в начале 1940-х гг. (с 1940 по 1957 г. Пермь носил название Молотов). Следует отметить, что даже в начале 1970-х гг. должность конструктора на советском промышленном предприятии могли занимать люди без специального высшего образования.

Об истории создания автомобиля мне рассказала дочь конструктора. Это транспортное средство имело номер государственной автоинспекции и эксплуатировалось около сорока лет. На рисунке можно увидеть автомобиль, как он выглядел сразу после создания. Постепенно он “обрастал” вещами и становился настоящим “домом на колесах” для отдельной провинциальной советской семьи.

Автомобиль является вторым изготовленным транспортным средством в этой семье: несколько лет семья путешествовала по Западному Уралу на мотороллере, который после модификации имел вид небольшого фургона. По свидетельству респондента, потребность в автомобиле была вызвана тем, что глава семьи любил рыбалку и длительные поездки на природу, а купить автомобиль, который бы соответствовал запросам и размерам семьи, было невозможно.⁵⁵ За годы эксплуатации автомобиля в семье выросло новое поколение: если дети конструктора начали путешествовать, будучи старшими школьниками, то внуки путешествовали с раннего детства.

Автомобиль был собран по частям. Источником информации для работы конструктора служили научно-технические и научно-производственные издания. Одни журналы (“За рулем”, “Моделист-конструктор”) были адресованы широкой аудитории и не содержали сложных технических терминов и чертежей; другие, написанные профессиональным языком, были адресованы работникам автотранспортных

⁵⁵ В середине 1960-х советская промышленность еще не выпускала автоприцепы “Скиф” – предмет гордости туриста-автомобилиста.

предприятий (“Автомобиль”, “Автомобильная промышленность”). Читая журналы, можно было узнать о принципах работы и устройстве необходимых узлов транспортного средства. Большой объем информации был посвящен ремонту большегрузных автомобилей, тракторов, автобусов. Однако считать эту информацию ненужной преждевременно. Изготавливая автомобиль “в домашних условиях”, конструктор стремился использовать максимально простые как в создании, так и в эксплуатации узлы, например, машина имела двойное сцепление, заимствованное у трактора.

Советская периодическая печать всегда демонстрировала интерактивную связь с читателем. Со временем она стала формальной (письма читателей в редакции газет и журналов могли сочиняться журналистами), но журналов автомобильной тематики в 1960-е гг. это не коснулось. На их страницах публиковалась информация о возможностях получения по почте подготовленных наборов для моделирования, мелких деталей и узлов, специализированной литературы. Очевидно, что спрос на подобные предложения журналов был очень высоким, о чем свидетельствуют то и дело появляющиеся объявления: “К сведению читателей. В редакцию журнала ‘Автомобиль’ поступают письма по вопросу приобретения литературы о конструкциях, об эксплуатации и о ремонте автомобилей. Рекомендуем читателям обращаться не в редакцию, а в книжные магазины по следующим адресам...”⁵⁶

Советская пропаганда поддерживала идею развития технических знаний у населения, поэтому в журналах рекламировались модели разборных транспортных средств, выпускаемых некоторыми предприятиями опытными партиями. Так, например, журнал “За рулем” в 1963 году распространял короткое время через “Посылторг” разборный катер: “Почтовый ящик ‘За рулем’. Вас интересует, где можно приобрести разборный катер, о котором писалось в журнале ‘За рулем’ (№ 4 и 10, 1961 год)? Как сообщили нам работники Марпосадской судовой верфи (Чувашская АССР), производство катеров, предназначенных для продажи в виде набора деталей, прекращено”.⁵⁷ Большой интерес граждан к моделям не всегда был связан с желанием действительно изготовить ее в домашних условиях. Иногда набор покупался ради одной нужной детали, которую невозможно было приобрести иным способом.

Таким образом, два года, потраченные на изготовление автомобиля, ушли на поиск нужных деталей, в том числе в торговых точках или

⁵⁶ Автомобиль. Ежемесячный научно-производственный журнал. 1953. № 1. С. 15.

⁵⁷ За рулем. 1963. № 6. С. 26.

“по знакомству”, “с рук”, в “комиссионках”; на переписку с журналами и ожидание посылок от “Посылторга”. Некоторые детали были сняты с отслужившей техники. Поскольку автомобиль конструировался по собственным чертежам и не был копией заводской модели, его создали с помощью деталей и узлов абсолютно разных технических средств.

Автомобиль имеет пару независимо работающих двигателей. Первоначально это были двигатели от мотороллера, затем были установлены два двигателя с мотоциклов “Урал”. В соответствии с количеством двигателей установлено двойное сцепление, которое более привычно видеть на тракторе. Это, по свидетельству родственников, делало управление автомобиля отличным от любого промышленного образца. Вот почему члены семьи не учились водить это транспортное средство. Колеса от мотороллера со временем были заменены на колеса от “инвалидки” Серпуховского завода. Кузов автомобиля был изготовлен из фанеры в цехе завода, на котором работал глава семьи. Члены семьи не только наблюдали процесс создания автомобиля, но и принимали в нем участие. Так, респондент отметила, что сама шила тент, причем за время эксплуатации транспортного средства это приходилось делать не раз. Несмотря на достаточно громоздкий внешний вид, автомобиль весил всего 600 кг. Он развивал максимальную скорость в 60 км/час и обладал, по свидетельству очевидцев, высокой проходимостью.

Автомобиль эксплуатировался в виде “дома на колесах”, в нем имелось четыре спальных места. Если на природу выезжало большее количество человек, автотуристы ставили палатку. Респондент описывает автомобиль как вполне комфортный для путешествия: “ну как, на стоянке, могу сказать, что на стоянке там было, как бы сказать (смеется), комфортно, по тем временам нормальный комфорт был. Была постель. Постель вся складывалась в сиденья, которые вот там стоят, там внутри сиденья. То есть все складывалось, там продукты, значит, там... одеяла, подушки там были, ну, там все было. Все, что нужно (сказано с ударе-

нием. — *О.С.*), для того чтобы спать ночью и не мерзнуть, по крайней мере вот уже в такое холодное время. Я не знаю... было все. Там был фонарь у него, можно было читать, в конце концов, вечером. По крайней мере, вот для походных условий было вполне комфорта достаточно”.⁵⁸

Большая семья воспринимала автомобиль по-разному. Отец семейства нуждался в транспортном средстве, которое бы преодолевало значительные расстояния региональной географии для походов на рыбалку. Поскольку присваивающие формы хозяйства имели не последнее место в бюджетах городских жителей, автомобиль использовался и для поездок за грибами и ягодами (занятие, которое традиционно не является мужским). Таким образом, основная задача эксплуатации автомобиля не связана с отдыхом и путешествиями; это прежде всего тактика самообеспечения продуктами питания. Однако мы говорим о повседневной жизни, реальность которой неоспорима и цельна во всех проявлениях. Поэтому, конечно, многодневная поездка на машине, даже за грибами, давала больше возможностей для релаксации и познавательной активности, чем однодневная поездка с той же целью в переполненном вагоне электрички.

Для моей собеседницы путешествие на автомобиле было хорошей возможностью расширить свой кругозор, познакомиться с географией и историей родного края. Для нее, в те годы старшеклассницы и студентки, это было приключением, не обремененным переживаниями о безопасности. Она с гордостью рассказывает о том, что, благодаря высокой проходимости автомобиля, ее семье удалось побывать в очень уединенных, удаленных от цивилизации местах. Путешествия оставили светлые воспоминания, даже если речь шла о многочисленных поломках. В целом автомобиль вызывал интерес в любом месте, где появлялся: “Когда где-то останавливаешься, всегда люди подбегают, все спрашивают, трогают все: что, из чего, как это сделал все, ну, в общем, в любом городе, как ни остановишься, все — всегда толпа. Всегда толпа, и все спрашивают: что, откуда это взялось”.⁵⁹ Необычный предмет воспринимался позитивно и этим отчасти объясняется безвозмездное получение помощи в ремонте (хотя, конечно, бутылку водки, которая могла понадобиться в качестве вознаграждения за помощь в ремонте, семья всегда брала с собой).

Для следующего поколения семьи, путешествующего с младенчества, автомобиль имеет другие смыслы. Он не только перестал быть

⁵⁸ Интервью жен., 1947 г.р., в/о. Запись на диктофон 20.08.2011.

⁵⁹ Там же.

предметом гордости, но и его стали стесняться. В 1980-е гг. его не упоминали в школьных сочинениях и не приглашали товарищей принять участие в семейных поездках. Сами путешествия перестали быть исключительно созерцательными: желание сделать остановку, чтобы любоваться красотами родного края по примеру деда, сменилось практикой коллекционирования фотографий с изображением пейзажей и жанровых сценок участников путешествий. Изменились требования к комфорту.

Создание автомобиля является иллюстрацией того факта, что советское социальное пространство 1960-х было жизнеспособной системой, содержащей области индивидуального выбора (Наталья Козлова).⁶⁰ Свободные от иллюстрированных путеводителей, путешествия способствовали личному раскрепощению и формированию индивидуального стиля жизни. Вместе с тем автомобильные поездки не были комфортным эрзацем палаточного отдыха. Они были само собой разумеющимся фактом, прагматикой жизни, хоть и не лишенной удовольствия. Туризм же, являясь сферой конечных значений, уводит от повседневности, нарушает привычный порядок жизни.

* * *

Социальное пространство 1960-х создавалось не на руинах, не было разрушено социальной катастрофой. Оно было не свободно от внутренних противоречий и конфликтов, но некоторые поля оставались цельными. В нем не все были однозначно счастливыми, но общее настроение оптимизма присутствовало. Это пространство было разным, но оно включало несколько моментов и интенций, позволяющих простому советскому человеку оценивать свою жизнь как комфортную.

Развернувшаяся кампания жилищного строительства изменила не только облик столиц, но и фактически перекроила территорию каждого города. Социальное пространство реализовывалось в физическом: границы городов разрастались, вбирая в себя ближайшие деревни; малоэтажный городской ландшафт преобразовывался в индустриальный пейзаж с высотными зданиями и устроенными скверами. Социалистический город, ранее запечатленный в пропагандистских плакатах и кинематографических образах, сошел с экрана и в буквальном смысле стал доступен простому советскому человеку, который, заметим, еще не устал от ожидания в очереди на получение квартиры.

⁶⁰ Н. Козлова. Советские люди. Сцены из истории. Москва, 2005.

Освобождение от коммунально-барачных условий жизни было одним из пропагандистских лозунгов о том, что партия и правительство заботятся о благосостоянии граждан. Его реализация была физически конкретной и потому доступной для понимания. Личное пространство, ограниченное малогабаритной хрущевкой, сформировало субъекта – побочный продукт стратегии заботы, а лучше сказать, “непреднамеренное изобретение”. Это пространство расширило тактические возможности человека, стимулировало его активность в поиске альтернатив. Учитывая взаимосвязь физического и социального пространства, согласимся с Н. Элиасом, который считает, что пространство выбора присутствует в любом типе общества, однако величина этого пространства, а также позиция отдельного человека “зависят от структуры общества и положения общественных дел в том человеческом объединении, в котором он живет и действует”.⁶¹

Кампания жилищного строительства повлияла на изменение зон проницаемости и границ советского социального пространства. Она вскрыла возможности для манипуляций в условиях двойных стандартов, скрытые до этого времени под дисциплинарным прессом сталинского тоталитаризма.⁶² Стратегии власти сохраняли во многом свою непрозрачность и вариативность, но внезапность решений не нарушала границ онтологической безопасности личности. В результате советский человек стал не просто более изобретательным, но более уверенным и даже более открытым в своих тактических маневрах.

⁶¹ Н. Элиас. Общество индивидов. Москва, 2001. С. 82.

⁶² Описывая степень доверия/недоверия к официальному языку в период позднего социализма, А. Юрчак выделяет два коммуникативных уровня: констативный, передающий смыслы, и перформативный, обозначающий действие. Кажется убедительным его тезис о том, что констативная функция речевого высказывания обесмыслилась, а перформативная, наоборот, стала более значимой, и, как следствие, за основу социального взаимодействия стала приниматься коммуникативная ситуация, устанавливающая конвенции, задающая правила и проверяющая на прочность адаптивные механизмы (см.: Alexei Yurchak. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, 2006.). Но важно заметить, что опыт гипернормализации (термин А. Юрчака) языка проявился уже в политическом и вербальном поведении региональной номенклатуры в конфликтах 1940-х гг. (см., напр.: О. Л. Лейбович. В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х годах XX века. Пермь, 2005.). Поведение фронтового сообщества в первые послевоенные годы также позволяет говорить о том, что адаптация вербальных порядков к собственным нуждам не была новацией позднего социализма (см., напр.: Е. Ю. Зубкова. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953*. Москва, 1999).

Личное пространство, чувство безопасности оказали влияние на его эмоционально-психологический тонус. Высокая мера удовлетворения жизнью и не менее высокая мера оптимизма людей при взгляде в будущее создавали общее настроение: “Главная помеха счастья – война – казалась едва ли не стопроцентно устранимой. Широкая правительственная программа роста народного благосостояния давала твердую уверенность в том, что все идет к лучшему. Большинство молодых людей имело цели в жизни и было уверено в том, что эти цели будут достигнуты”.⁶³

Таким образом, вариативность социального пространства не была пугающей. Механизмы действия были знакомы, а снижение тотального контроля расширило сферу применения усилий. Советское общество воспринималось как стабильное, и это давало уверенность в том, что каждый будет доволен результатом, достигнутым в жизни. Рассмотренные в статье случаи показали, что восприятие жизни как адекватное соотношение возможностей и потребностей у каждого поколения возрастает в зависимости от стартовых условий. Следовательно, есть основание полагать, что советский комфорт – понятие поколенческое.

SUMMARY

The article by Olga Smolyak is devoted to exploring the ambiguous category of comfort in the history of Soviet society. The author suggests taking the analysis beyond the realm of the private sphere and focusing on how this category functioned in ordinary Soviet people’s subjective perception of social realities. The first part of the article builds an analytical model based on an understanding of social space as a composite structure made of diverse natural, material, and social phenomena, as well as social networks and forms of exchange of information and material objects. The author is especially interested in the problem of boundaries and zones of social transparency that helped ordinary Soviet people to become oriented in the social space and to devise strategies vis-à-vis the authorities. The emerging model is built on the assumption that the sense of comfort was linked to tripartite feelings of stability, dignity, and satisfaction. The article includes two case studies that present the creative tactics of ordinary Soviet people in building zones of

⁶³ Б. А. Грушин. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. Москва, 2001. С. 538.

comfort. The first case is the story of building a stand-alone house and household economy. The specifics of this case are associated with the functioning of the planned economy in the Soviet Union, within which there were no legal ways to procure materials for individual house construction. The second case demonstrates the creative strategy of a Soviet family toward mastering a space of comfort with the help of a hand-made vehicle. In conclusion, the author contends that the historically formed sense of comfort in the 1960s was underpinned by (1) familiarity with and routinization of interactions in the social space, which in turn were made possible by the retraction of mechanisms of totalitarian control; and (2) the perception of Soviet society as a stable and predictable matrix of social life, which made it possible for ordinary Soviet citizens to expect full self-realization in their lives.